

Записки

путешественник

**Анна
Черевкова**

**Воспоминания
о Японии**

Записки путешественника

Анна Черевкова

Воспоминания о Японии

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Черевкова А.

Воспоминания о Японии / А. Черевкова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Записки путешественника)

«Воспоминания о Японии» - путевые заметки русского врача Анны Александровны Черевковой. Что известно европейцу о Стране восходящего солнца? Грандиозные храмы, роскошные дворцы, трудолюбивое, мирное население... Когда рассказчица прибывает в Киото, она убеждается, что белый человек полон предрассудков о Востоке. Анна Александровна Черевкова – русская путешественница, совершившая кругосветное турне на пароходе добровольного флота «Хабаровск».

© Черевкова А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ГЛАВА I. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ЯПОНИИ	5
ГЛАВА II. ЯПОНСКИЙ ЗВАНЫЙ ОБЕД	10
ГЛАВА III. БУДДИЙСКИЕ ПОХОРОНЫ	12
ГЛАВА IV. ЯПОНСКИЙ ТЕАТР	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Александровна Черевкова ВОСПОМИНАНИЯ О ЯПОНИИ

ГЛАВА I. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ЯПОНИИ

Пароход Добровольного флота «Петербург» оставил 16-го октября 1888 года унылую, холодную бухту Золотого Рога, вдоль которой растянулся город Владивосток. Серые цепи холмов, окружающих бухту, были покрыты снегом, обильно выпавшим в последнюю ночь. Тоскливый вид имел город с его грязными улицами и кучами потемневшего снега, и еще тоскливее глядели его бедные обыватели, пришедшие сказать «прости» родным и знакомым, уезжавшим на далекую родину. Переход наш до Нагасаки, продолжавшийся трое суток, был довольно спокойный. На половине пути сделалось значительно теплее, а весь день 17-го октября было и совсем тепло. 18-го октября показались берега Японии, в виде зеленых островков, разбросанных в одиночку и группами; между ними сновали рыбацьи лодки, белые паруса которых красиво оттенялись синевой неба и моря. Острова стали попадаться чаще и чаще. Мы проходим совсем близко от них и различного полосы солений, раскинувшихся вдоль морского берега. Нагасаки уж близко, Вот высокий, скалистый остров, покрытый щетиной угрюмых сосен: это – Паппенберг; в конце XVII столетия, во время начавшихся тогда в Японии гонений на христиан, с этой скалы были сброшены в море около 17-ти тысяч туземцев-католиков. За Паппенбергом начинается вход в Нагасакскую бухту. Мы теперь плывем по длинному заливу, окруженному со всех сторон высокими горами, покрытыми густой растительностью. В долинах меж ними разбросаны группы селений. Светло-зеленые террасы полей расположились по склонам холмов, а на некоторых виднеются до самой вершины их. Вот гора, вся покрытая сосновым лесом, только верхушка ее представляет обнаженную скалу. Вот промелькнула стройная бамбуковая рощица. И везде люди, движение, жизнь. Какая резкая разница между этой жизнерадостной картиной и той тоскливой пустыней, которая зовется русским Дальним Востоком, и от которой вас отделяют только три дня пути.

Пароход наш стал на якорь, и я могла теперь подробно осмотреть эту чудную, ни с чем несравнимую Нагасакскую бухту, охваченную со всех сторон горами, покрытыми яркой сочной зеленью. Нагасаки расположился в вершине бухты, по склонам холмов и в долинах между ними. Город, очевидно, большой; а между тем чего-то как будто не достаёт, что присуще большому городу. Вслушиваясь и всматриваясь больше в окружающее, я, наконец, понимаю, чего именно не хватает: не достаёт шума, того неопределенного гула, который слышен еще издали при приближении к каждому более или менее значительному европейскому населенному пункту.

Рейд очень оживлен. Масса различных коммерческих и военных пароходов под различными флагами, парусных судов и простых рыбацких лодок, покрывают бухту; все это представляет какой-то лес труб, мачт и флагов. Кроме того, множество шлюпок странного вида снуют по рейду в разных направлениях, и лишь только пароход наш отдал якорь, они, точно мухи, облепили его со всех сторон. Со шлюпок глядят веселые, улыбающиеся лица туземцев, и слышится ломаная русская речь. Я беру одну из них, хозяйка которой мне показалась говорящей по-русски бойчее других, и еду на берег. Японская шлюпка¹ представляет плоскодонную лодку довольно больших размеров; по середине ее находится маленькая, низенькая каюта, снабженная дверью и парой окон и выстланная чистой циновкой; в углу каюты виднеется маленький алтарь с крошечным идолом, а в передней открытой части шлюпки, на маленькой жаровне с

---

¹ фунэ

углями, готовится какое-то кушанье. Моя перевозчица оказывается очень любопытной особой и задает мне ряд вопросов. Я с трудом понимаю эту своеобразно-изломанную речь. В свою очередь я тоже расспрашиваю ее и узнаю, между прочим, что фунэ, на которой я еду, служит единственной собственностью и единственной доходной статьей моей перевозчицы и ее мужа, что такой шлюпкой всегда управляют два человека, и что местная полиция строго следит за таким порядком; обыкновенно эти гребцы члены одной семьи: муж и жена, отец с сыном, братья или сестры и т. д. Переезд наш продолжался минут пятнадцать. Как только мы вышли на берег, нас обступило множество извозчиков с предложением своих услуг. Японский извозчикий экипаж, так называемая дженерикша, есть легкая, изящная колясочка на двух высоких тонких колесах, на лежащих рессорах, с откидным верхом. Особенность дженерикши та, что ее везет не лошадь, а человек. Трудно передать ощущение, которое испытываешь, когда едешь в первый раз в такой колясочке: чувствуешь, как будто делаешь и детское, и вместе с тем не хорошее дело; как-то неловко становится и пред собою, и пред встречными, и при езде инстинктивно стараешься сделаться полегче. Впоследствии, я убедилась, что очень скоро привыкаешь и к этому безобразному обычаю, как и ко многому другому на белом свете. Не дешево достается хлеб этим бедным японским извозчикам. Между ними, как показали это исследования иностранных и туземных врачей, наблюдается значительное распространение сердечных заболеваний, в особенности в форме расширения сердца. Мы велим везти себя в город. Проезжаем сначала набережную, красивую улицу, обнесенную со стороны бухты каменным парапетом, прекрасно вымощенную и усаженную деревьями. Пред нами мелькает ряд европейских двухэтажных домов с цветниками и садами, наполненными камелиями, лимонными, апельсиновыми и другими фруктовыми деревьями, усыпанными спелыми плодами. Колесим по городу в разных направлениях, чтобы получить общее представление о его физиономии. Улицы узки, извилисты; невысокие деревянные дома покрыты черными черепичными крышами; снаружи они не крашены, и так как дерево скоро темнеет от погоды и времени, то общий тон города темный. По улицам снуют взад и вперед много народа. Мы обгоняем группу попарно идущих молодых девушек в изящных светлых туземных костюмах: веселые, удивительно добродушные личики. Одна из девушек – премиленькая; я два раза оглядываюсь на нее; она, очевидно, польщена вниманием чужестранки; но, все-таки, считает долгом скромно и конфузливо опустить глазки. Повсюду группы детей. Играют дети не возле домов, а по самой середине улицы, где попросторнее. Наши возницы еще издали начинают кричать им, чтобы они побереглись; не тут-то было: дети продолжают себе спокойно играть, не обращая внимания ни на какие крики; в конце концов, мы принуждены осторожно объезжать такие группы. Японские дети, на мой взгляд, далеко не привлекательны и, конечно, не выдерживают никакого сравнения с маленькими европейцами. Дети постарше таскают своих крошечных сестер и братьев, которые привязаны за спину у них так, чтобы, по возможности, не мешать им ходить и бегать. Обычай этот поразил меня своей не гигиеничностью. Не трудно понять, в самом деле, на сколько он вреден и для крошечных ребят, и для их маленьких нянек, начинающих таскать свою ношу с 5–6 летнего возраста: тяжесть, давящая на спину ребенка-няньки, мешает свободным дыхательным движениям грудной клетки и способствует застою крови в легких, а неокрепший позвоночный столб от постоянного давления предрасполагается к заболеваниям позвонков. Не меньший вред приносит этот обычай и грудным детям: тело их все время согнуто; руки и ноги поджаты; голова спящего ребенка болтается из стороны в сторону, совершая при каждом движении няньки размахи, обусловленные исключительно собственной тяжестью; о свободном кровообращении и дыхании не может быть и речи при подобном положении.

Какая масса торговых заведений повсюду: буквально, в каждом доме какая-нибудь лавка; кто только покупает всю эту массу товаров? Там и сям бросаются в глаза овощные, фруктовые и рыбные лавки, с горами наваленных в них продуктов. Среди фруктов преобладают апельсины и красные, крупные плоды, величиною с большое крымское яблоко: это – каки, при-

торно сладкий, сочный фрукт, созревающий только в Японии. Запах и пар от горячего кушанья вдруг резко бьет в нос: перед нами подвижная кухня, которую один человек перевозит на руках, предлагая грошовые яства своим невзыскательным потребителям. Кроме этих бродячих кухмистерских, мы встречаем и оседлые; их можно видеть во всех пунктах города. Останавливаемся перед одной из таких кухмистерских: она представляет крошечную кухню, где стоят две жаровни, по полкам разложены сырые продукты, а на прилавке уже лежат готовые кушанья: кусочки соленой и свежей рыбы, вареный горячий картофель, рис и проч. Все очень чисто. Подходит потребитель, берет палочку с воткнутой на нее картофелиной, или крошечную чашечку рису, или такую же миниатюрную чашечку не то с соусом, не то с ухой, съедает свою порцию, кладет очень мелкую монету и уходит, уступая место другому. Все это совершается тихо, спокойно, без громких, резких слов и движений, очень часто с добродушной улыбкой. Не смотря на большое оживление, царствующее на улицах, меня удивляет тишина и, если можно так выразиться, порядочность японской улицы: не видно ни пьяных, ни драки, не слышно грубых голосов. Улица имеет какой-то своеобразно-праздничный вид: все делается как будто не всерьез, шутя. Знакомые, при встречах, до комизма вежливо раскланиваются друг с другом, низко-низко сгибая спину и упираясь иногда при этом руками в колени. Не видно озабоченных лиц: все кажется довольным и счастливым среди этой ласково улыбающейся природы, под лучами этого горячего солнца. Туземные костюмы² мужчин и женщин покроем своим очень схожи: это длинные халаты пли капоты до пят, с широкими рукавами. Женщины здесь щеголяют своими куафюрами и поясами. У элегантной женщины прическа непременно трехэтажная; в ней торчат одна-две шпильки, иногда искусственный цветок; волосы – резко черного цвета и сильно блестят. Что касается поясов³, то они очень нарядны, очень широки и грациозно завязаны сзади широким бантом.

Главная улица Нагасаки⁴ представляет из себя целую выставку. Мы останавливаемся у одного из больших магазинов ее. Нас встречает с любезными поклонами хозяин и, узнав тотчас, что мы русские, заводит разговор на русском языке. Чего-чего только нет здесь: фарфор, бронза, лакированные вещи, ширмы, изделия из слоновой кости, и проч., и проч. Просто глаза разбегаются при виде этого множества пестрых, оригинально-красивых вещиц. Отсюда мы отправляемся в магазин шелковых вышивок. Магазин и мастерская помещаются вместе. Работают исключительно мужчины. В мастерских черепаховых изделий – то же самое.

– Скажите, пожалуйста, что это значит? Почему женщин совсем не видно в ваших мастерских? – обращаюсь я к одному из туземных купцов.

Его, очевидно, удивляет мой вопрос.

– Зачем же женщинам идти в мастерские? – отвечает он мне вопросом.

– Но ведь такая работа, как вышивание или выделка черепаховых безделушек, более сподручна женщинам.

– О, нет! Мужчины у нас очень хорошо делают все эти вещи, женщинам и не угоняться за ними.

Действительно, я узнаю потом, что купец говорил мне правду: лучшие японские вышивки, лучшие японские изделия вообще, до самых мелких включительно, созданы не женскими, а мужскими руками.

Из множества магазинов, в которых я побывала в этот день, упомяну еще только о магазине Иезаки. Нагасаки славится своими черепаховыми изделиями, и Иезаки считается лучшим мастером по этой части. Действительно, мы видели у него прелестные вещицы: модели джене-

---

² кимоно

³ оби

⁴ Мото-Каго-мачи

рикш и фунэ, шкатулки, клетки для птиц, крышки для альбомов, и проч., и проч.; но больше всего меня поразили модели некоторых наших военных судов.

От Иезаки мы попали в какой-то магазин туземных редкостей, где мне удалось, между прочим, осмотреть впервые подробно японский дом. Первое, что бросилось нам в глаза при входе в дом, это – необыкновенная чистота и отсутствие мебели; полы были покрыты толстыми, мягкими циновками, совершенно заглушающими шаги. Мы переходим из одной комнаты в другую; везде одно и то же: ни стола, ни стула, ни кровати, – ни признака той обстановки, без которой у вас немыслима домашняя жизнь даже в самой бедной избе. Я спрашиваю у хозяйки: на чем вы спите? как вы обедаете?

Хозяйка подходит к одной из стен, быстро раздвигает ее, и предо мной открывается вдруг целый склад подушек и одеял, скрытых в этом оригинальном шкапу. Постель стелется прямо на полу, на циновках.

Затем хозяйка раздвигает другую стену, и предо мною буфет, уставленный всевозможной посудой, необходимой в японском быту. Если надо одеться, из таких же скрытых шкапов достают принадлежности туалета.

В этот же день я осмотрела еще самый замечательный из местных храмов – храм патрона города Нагасаки, духа Сува. Мы остановились у одного из холмов северной части города. Масивная, широкая каменная лестница, прерываемая площадками и обставленная высокими, каменными портиками – Тори, ведет по склону холма к святилищу; всех ступеней более 200. На обширном дворе верхней площадки, окруженном сквозными галереями, стоит бронзовая статуя лошади, немного меньше натуральной величины; здесь же находятся высокие фарфоровые вазы-курильницы очень хорошей работы и большие бронзовые чаны с освященной водой. Самый храм внутри имеет вид комнаты обыкновенного японского дома: те же деревянные рамы-стены, те же циновки на полу. Только против входа видна решетчатая дверь, запертая засовом, да на стене висят две деревянные картины, с изображением священных процессий. Крыша храма представляется на вид весьма тяжелым сооружением. Общие контуры ее толстые края и темный цвет, очень напоминают издали старые, почерневшие от времени соломенные крыши амбаров в наших южнорусских деревнях. Она состоит из слоев множества тонких деревянных дочечек, плотно пригнанных друг к другу. Это – традиционная форма крыши всякого храма: она должна напоминать первобытную хижину богов, живших некогда в Японии. Выйдя из храма и поднимаясь в священную рощу, раскинувшуюся над ним по склонам холма, мы увидели, что от главного храмового здания идет вверх закрытый со всех сторон коридор, кончающийся маленьким деревянным домиком, с такой же темной крышей. Мне говорят, что здесь, в этом домике, на столе, имеющем форму алтаря, помещается главная святыня храма – круглое металлическое зеркало, по обеим сторонам которого подвешены узкие полоски белой бумаги⁵, расположенные зигзагообразно. Это зеркало и гохеи составляют нераздельные атрибуты древнейшей национальной религии Японии, так называемого культа Синто.

Рядом с храмом, на обширной площадке, усыпанной мелкими камешками и песком, среди зелени развесистых деревьев, приютились несколько чистеньких домиков, с целым полчищем веселых прислужниц, предлагающих зайти и освежиться чаем или прохладительными напитками. Вокруг храма раскинулась прелестная роща, наполненная гигантскими камфарными деревьями, криптомериями, японскими соснами и камелиями, насчитывающими не одну сотню лет. Как чудно хорошо в этой священной роще, полной глубокой тишины и покоя, составляющего столь резкий контраст с кипучей людской жизнью, оставшейся там, внизу, у подножия холма.

Порядочно утомившись пестрыми впечатлениями промышленной части японского города, мы отправились в европейский квартал Нагасаки. Дома европейцев окружены глубо-

---

⁵ гохеи

кими верандами для защиты от лучей летнего солнца; на эти веранды выходят portes-feuertes всех комнат; возле каждого дома – тенистые сады, цветники, огороды. Русское консульство и лазарет Тихоокеанской эскадры расположились очень живописно на склоне холма в лучшей части европейского квартала. Консульство наше буквально утопает в зелени и цветах, так что со стороны улицы его почти не видно. Европейская часть содержится идеально чисто.

Ознакомившись в общих чертах с городом, я вернулась на пароход. Здесь я нашла целый базар: тысячи безделушек, изделий местной промышленности, покрывала всю верхнюю палубу; масса японцев в своих длиннополых платьях толкалась возле выставленных товаров, с поклонами, приседаниями и ласковыми улыбками. Пассажиры приценивались к этим красивым вещицам и делились друг с другом впечатлениями. Повсюду слышался оживленный говор. Господствовало то особое возбуждение, которое является на всяком пароходе, приходящем в новый порт.

«Петербург» простоял в Нагасаки несколько дней; я успела ближе ознакомиться с городом, осмотрела еще несколько храмов, кое-какие производства, и все это было полно для меня захватывающего интереса, все говорило о самобытной высокой культуре, о своеобразной цивилизации. Я с грустью покинула этот город, возбудивший во мне такой глубокий интерес к Японии и давший мне только жалкие отрывочные сведения о ней. Меня тянуло узнать ее поближе.

Японский отдел на последней всемирной выставке в Париже был, как известно, один из лучших. Он занимал громадное помещение, был великолепно обставлен и давал точное представление о многих сторонах японской культуры. Я часто бывала в этом отделе, и интерес мой к этой далекой стране возрастал все больше и больше.

Обстоятельства мои сложились так, что зимою 1889 года я получила возможность опять поехать в Японию; но на этот раз уже не на несколько дней, а на гораздо более продолжительное время: я приехала в Японию в декабре 1889 года и покинула ее в конце апреля 1891 года.

Не буду описывать подробно день за днем мое пребывание в этой стране. Сообщу здесь лишь несколько эпизодов, имеющих более общий интерес.

ГЛАВА II. ЯПОНСКИЙ ЗВАННЫЙ ОБЕД

Много лет уже существует в Нагасаки богатая японская фирма, занимающаяся главным образом поставкой разных припасов и материалов на русские военные суда⁶ и получившая имя от своего основателя, некоего Кихэ. Все главные члены компании Кихэ говорят порядочно по-русски и стараются оказать русским, имеющим какое либо отношение к флоту, всевозможные услуги и внимание. Когда русское военное судно приходит в Нагасаки, эта компания обыкновенно дает офицерам обед в японском вкусе, с японскими танцовщицами и певицами, и на этих обедах, говорят, бывает очень весело. В феврале 1890 года компания Кихэ устроила такой же обед с гейшами, то есть танцовщицами и певицами, для русских дам, проводивших зиму в Нагасаки. На обед приехало более десятка русских дам, жен офицеров эскадры. Местом собрания была избрана огромная зала второго этажа одной из лучших японских гостиниц. Вокруг залы снаружи шла открытая галерея. Не смотря на холод, стены комнаты были раздвинуты, и свежий, наружный воздух свободно проникал в нее. С галереи открывался красивый вид на окрестные горы, а внизу виднелся небольшой очень изящный садик, с несколькими странно-изогнутыми деревьями, с искусственными крошечными водопадами и таким же миниатюрным озером. Тут же весело журчал светлый, прозрачный ручеек, нарушавший своим поэтическим шумом окрестную тишину, а кругом виднелись холмики, мостики, извилистые дорожки, деревья-карлики, и проч., и проч.

Обед происходил следующим образом. Мы сели на циновки по-японски, поджав под себя ноги. Перед каждой из нас стоял отдельный обеденный столик, в виде крошечной скамеечки, уставленной миниатюрными лакированными чашечками с кушаньями; чашечки были закрыты такими же лакированными крышками. Наши ложки, нож и вилка заменяются у японцев парой деревянных палочек, которыми они очень ловко управляют при употреблении густой и твердой пищи, а жидкую просто выпивают из чашек. Нам к каждому прибору, или, вернее, столу, была подана пара тонких, длинных деревянных палочек в запечатанном конверте, что являлось доказательством их полной чистоты и того, что они вообще ни разу не были в употреблении. Рисовая бумага, находящаяся в рукавах платья, заменяет у японцев салфетку во время еды и носовой платок в остальное время. За обедом каждой из нас прислуживала молоденькая японка, а хозяйева переходили от одной гостьи к другой, предлагая угощение; время от времени они обращались к нам с просьбой выпить вина из их чашечек, причем тут же споласкивали их чистой водой, вытирали, наливали вином и предлагали выпить, после чего, уже не вымывая чашек, пили из них сами. Вот краткое меню этого парадного обеда: 1) рыба уха с угрем, 2) рыба уха с яйцами, 3) уха из омаров, 4) сырая рыба с соей, 5) тай, очень вкусная, жареная рыба, 6) какая-то крошечная вареная рыбешка, 7) корень бамбука отварной, 8) корень лилии, отваренный и замаринованный, 9) большие бобы под сахарным соусом, 10] рисовые лепешки с рыбой, причем рыба и рис, нарезанные правильными кубиками, расположены слоями и рыба окрашена в красный цвет, 11] такой же формы рисовые лепешки с яйцами, причем яичный слой окрашен в розовый цвет; 12] целый ряд маринованных: рыбок, редьки, бамбукового корня и проч. Маринованная морская капуста мне показалась очень вкусной. На сладкое были поданы: неподражаемо сделанные ветки красных и белых камелий в натуральную величину, с листьями и стеблями, ветви цветущих вишен, слив и абрикосов, – все это из сахара; затем рисовые булочки в форме крошечных островков и гор, покрытых сахаром, сделанным в виде густой, свежей зелени. Питье состояло из зеленого чая и саки, японской рисовой водки, которую пьют подогретой в крошечных чашечках-наперстках. Обыкновенно на таких обедах всем

⁶ откуда и пошло ее богатство

присутствующим дают по хорошенькому деревянному ящику, в который бывают уложены все блюда обеда, кроме супов: это – для домашних.

Многим европейцам не нравится японский обед, Это зависит, конечно, прежде всего, от вкуса; но, кроме того, здесь играют, вероятно, роль и те особенности японского обеда, которые так сильно идут в разрез нашим привычкам: для европейского желудка, привыкшего к мясному столу, этот растительный и рыбный стол кажется и недостаточно питательным, и слишком пресным; почти все блюда жарятся и варятся совершенно без соли; если подается жареная птица и дичь, то их часто обливают сладким соусом; хлеба нет, вместо него подается рис; обед начинается теплым саки и кончается рисом; всего этого достаточно, чтобы сбить с толку европейский желудок и невзлюбить сразу японский обед. А известно, как много значит в таком деле первое впечатление. Компания Кихэ приготовила для нас обед с солью, и все блюда показали мне очень вкусными.

Музыка, пение, танцы и театральное представление составляют неизбежную принадлежность каждого порядочного званого обеда. И за нашим обедом, тотчас по его окончании, начались танцы, для которых были устроены в одном углу залы подмостки. Во время танцев оркестр японских гейш исполнял какие-то пьесы на туземных арфах и гитарах, аккомпанируя себе пеньем. Японская музыка и пение, на мой взгляд, нечто до того убийственное, что, услышав их раз, не испытываешь ни малейшего желаний подвергнуться этой муке вторично. Совсем другое дело танцы. Танцевали две молоденькие девушки, лет 15–16. Одна была одета мужчиной, другая женщиной. Шеи и лица их были сильно набелены, а губы подкрашены. Изображали они ряд сцен из прежней придворной жизни. В течение вечера они раз семь меняли костюмы, которые отличались большой пестротой, роскошью и богатством. Танцы и мимика были полны грации и выразительности. Содержание пьесы составляли перипетии ссоры и примирения принца и принцессы при дворе Микадо. Капризы принцессы были переданы с большой грацией и женственностью. Далее следовало представление различных бытовых сцен.

Танцы затянулись до 10 часов вечера, и мы разошлись по домам, порядочно усталые, как от необычного зрелища, так главным образом от ужасной музыки, способной расстроить самые крепкие нервы.

Пение и инструментальная музыка в Японии составляют предмет упражнения только для девиц. Те, которые сделают себе из этих занятий ремесло, называются гейшами. Большее частью гейши происходят из низших классов общества. Иногда это – сироты, о которых некому позаботиться. Маленькими девочками попадают они в руки предпринимателей, специальность которых приготовление гейш. Кроме обучения пению и музыке, они получают также порядочное общее образование по части литературы, поэзии и декламации; их учат также изящным манерам и. уметь вести непринужденный светский разговор. Они иногда очень остроумны, чем, в связи с их молодостью и красотой, объясняется то обстоятельство, что эти девушки делают иногда блестящие партии в средних слоях японского общества.

ГЛАВА III. БУДДИЙСКИЕ ПОХОРОНЫ

Зимой 1891 года мне представился случай близко видеть буддийские похороны. У одного японского доктора, профессора местной медицинской школы, умер тесть. Я, вместе с А. А. Сига⁷, отправилась в дом покойника. Старик умер три дня тому назад. По обычаю, тело после смерти обмывается и оставляется лежать 48 часов; затем, после предварительной панихиды на дому, его кладут в деревянный ящик в сидячем положении и отправляют в трупо-сжигающую печь, находящуюся за городом. По сожжении, пепел помещают в фарфоровую посуду, которую ставят затем в чистенький деревянный ящик, имеющий форму маленького домика. Этот-то ящик и относят на кладбище. Когда я пришла в дом, где лежал прах покойника, то нашла уже все готовым к похоронам. Зала была уставлена искусственными деревцами с цветами, прекрасно сделанными; особенно хороши были камелии и цветы лотоса, смотревшие совсем живыми. На почетном месте комнаты, на столе, покрытом золототканой парчой и уставленном цветами, стоял ящик с останками; перед ним курились благовония. Буддийский священник читал молитвы. Хозяин был одет в европейский черный костюм; дочь покойника, вдова и сестра его – в японские серые шелковые кимоно, из-под которых виднелись белые креповые; на голове у каждой – плоская креповая наколка, приколотая шпилькой⁸. Лица у всех были серьезные, но не заплаканные. При нашем появлении, хозяйева очень вежливо раскланялись с нами и попросили войти. Я опустилась на колени в углу комнаты. Ко мне сейчас же подошла хозяйка с чашечкой зеленого чая и угощениями, состоявшими из трех пряников, белых и розовых, очень красивых на вид; такие же угощения были положены и пред остальными посетителями, которые потом при уходе завертывали пряники в лежавшую тут же бумагу и уносили их домой. Все входящие опускались на пол и раскланывались с хозяйевами, касаясь лбами пола; хозяйка таким же образом раскланывалась со всеми. Затем, каждый из гостей подходил к останкам покойника, отвешивал низкий поклон, оставался некоторое время в таком положении, шепча молитву, потом зажигал курительную свечу и отходил в сторону, уступая место другому. Вынос тела последовал в таком порядке: сперва вынесли все цветы, потом укрепили фундамент домика, содержавшего сосуд с пеплом; на этот фундамент уставили и увязали самый сосуд с пеплом, на который надели парчовый чехол, и, наконец, закрыли все сверху домиком, точно футляром.

В домике этом – 4 полукруглых окна, затянутых внутри зеленым шелковым фуляром; стены же его покрыты золотистой парчой, в тон с деревом. Когда выносили гроб, женщины на пороге простились с ним, причем вдова покойного горько заплакала; по лицу ее обильно текли слезы, но она не издала ни одного звука. Перед воротами дома священники опять прочитали молитвы, и процессия двинулась к храму. Впереди несли нечто вроде хоругвей: на длинных шестах были прикреплены белые шелковые волосы, длиною в сажень, шириною около трех четвертей аршина, со священными буддийскими надписями. Таких хоругвей было, кажется, восемь. Затем 40 человек, шедших попарно, несли цветы. За цветами шли священники; их было 9 человек: 8 шли попарно, а один, старший, непосредственно предшествовал гробу. Гроб несли кули⁹. Один кули держал над ним длинный шест, к которому были прикреплены ветки лотоса и множество белых полотнищ, больших и малых, с буддийскими изречениями. Тотчас за гробом шел зять покойного доктор N., весь в черном, с цилиндром на голове, а за ним его

⁷ Александр Алексеевич Сига, православный японец, бывший лет 20 тому назад секретарем при японском посольстве в Петербурге, живет теперь постоянно в Нагасаки, владеет довольно хорошо русским языком и оказывает много услуг русским по части осмотра и ознакомления с городом.

⁸ в Японии траурным цветом служит белый

⁹ японские чернорабочие

знакомые и все воспитанники Нагасакской медицинской школы, где доктор N. состоит преподавателем. Ни одной туземной женщины не участвовало в процессии; они приехали в храм после. Перед воротами храма священники снова читали молитвы, сопровождавшиеся ударами в гонги. Эта лития дала время установить цветы. Храм представлял длинную залу, середину которой занимало возвышение для алтаря. Колонны были все обтянуты красной материей; балдахин над алтарем – тоже красный. Самый алтарь деревянный резной, золоченый. Из цветов сделали целую аллею во всю длину прохода; против алтаря поставили, на высоких подмостках, урну с прахом покойника, а перед ней курильницу с благовониями. Между гробом и алтаре разместились четырехугольником священники, числом 22. Все они стояли, главный же сел лицом к покойнику и спиной к алтарю. У всех¹⁰ головы были обнажены. Одеты они в несколько роскошных шелковых одежд, вероятно, по причине холодного времени. Верхняя риза – парчовая, или же атласная, вышитая цветами. Главный священник был в парчовой, красной ризе, шитой золотом; из той же парчовой ткани был сделан у него высокий, своеобразный головной убор. Ни один костюм не походил на другой. Все священнические одежды были самых веселых, светлых тонов и оттенков, и вообще весь храм имел странно-радостный вид. По учению буддистов, смерть, как освобождение человека от земных страданий, как один из этапов к достижению человеческим духом блаженства нирваны, должна считаться радостным явлением, а вовсе не несчастьем.

Родственники и знакомые покойника разместились так, что по правую сторону уселись мужчины, а по левую – женщины. Церковная служба продолжалась около часа и состояла из однообразного пения и каких-то слов, произносимых в нос нараспев.

По окончании службы, один из присутствующих встал и произнес надгробную речь, которую читал по бумаге, наверху на палку и по мере чтения развертывавшейся. Затем четыре священника поочередно благословили покойника. Каждый из них подходил к курильнице, натирал ладони куревом, торжественной походкой приближался к гробу и грациозным движением руки, в которой находился закрытый веер, описывал над гробом два круга; затем такой же размеренной походкой возвращался назад и, обратясь лицом к гробу, читал молитвы. Главный священник произнес слово, сидя на своем месте, и, кончив говорить, встал, подошел к курильнице в сопровождении двух мальчиков с обретыми головами¹¹ и совершил благословение не веером, а длиной кистью из белых конских волос. Теперь церковный обряд кончился, и началось прощание родных и знакомых. Сначала подошел зять покойника со своим малолетним сыном; оба насыпали благовонного порошку в курильницу и отвесили несколько земных поклонов; затем ту же церемонию проделали все присутствующие, за исключением женщин. Из храма гроб понесли уже без всякой помпы на кладбище, которое помещается тут же, на склоне высокого холма за храмом. Гроб провожали зять и внук покойного и только один священник. Урну с останками опустили в яму, положили сверху камни, засыпали замлей, поверх которой поставили деревянный домик, с цветами, фонарями, с чашечками рису и рисовой водки для души умершего; затем здесь же поместили деревянную колонну с надписью: она должна стоять, пока не изготовят настоящего каменного памятника. По окончании погребения, ближайший родственник покойного стал при входе у ворот храма и благодарил всех пришедших на похороны за оказанную ему честь. Кроме того, более интимным или важным знакомым он делает потом личные визиты, другим рассылает свои карточки, а третьих благодарит в газетах. На поминальный обед приглашаются только самые близкие родственники и друзья.

Траур в Японии состоит в ношении, во-первых, траурного костюма, во-вторых, в воздержании от животной пищи. Самые продолжительные сроки установлены для траура по мужу и по родителям: ношение траурного костюма в этих случаях обязательно в течение 13-ти меся-

¹⁰ опять-таки за исключением главного

¹¹ это – будущие священники

цев, а воздержание от животной пищи – в течение 50-ти дней. Траур по жене носится 20 дней и 20 дней не едят животной пищи; для прочих родственников эти сроки колеблются между 7 и 150 днями¹² и 3 и 30 днями.

В течение первой недели после похорон, священник того прихода, к которому принадлежал покойник, ежедневно является в дом, где жил последний, и молится здесь. Затем, сам, без всякого приглашения со стороны родственников, приходит сюда раз в месяц для краткой поминальной молитвы. У каждого такого священника имеется список всех семей его прихожан, с обозначением дней, в которые умер тот или другой член семьи, так что он вперед знает, где ему надо побывать. Прейдя в дом для поминальной молитвы, он прямо отправляется в самую дальнюю комнату, где находится киот с изображениями буддийских святых, и стоят таблички с посмертными именами покойных членов семьи. Здесь всегда находится одна, или несколько чашечек с рисом, который варится специально для душ покойников и меняется ежедневно. Интересно, что посуда, служащая для приготовления этого риса, лопаточка, которою он накладывается в чашечки, самые эти чашечки и даже огонь, на котором он варится, никогда не употребляются для приготовления пищи живым людям. За всем этим «покойническим», так сказать, хозяйством смотрит какая-нибудь древняя бабушка, вообще самая старая по возрасту женщина в семье. Она же убирает ту комнату, где стоят боги, и спит в ней. Впрочем, убирать эту комнату может также и молодая, чистая девушка. Священник, явившись сюда, зажигает свечи, стоящие перед образами, читает краткую поминальную молитву, тушит затем свечи, но не руками, или своим дыханием, которыми он осквернил бы святыню, а просто легким взмахом веера, получает ничтожную плату и удаляется.

Сожжение умерших, о котором я упоминала выше, введено в Японии около 700 года нашей эры вместе с буддизмом; хотя оно и получило широкое распространение, но не вытеснило собою древнейшего туземного обычая погребения трупов в земле.

Прежде как трупы, так и пепел от них, хоронились на городских кладбищах, находящихся в Японии с ближайшем соседстве с людскими жилищами; но при нынешнем правительстве издан был закон, позволяющий хоронить на таких кладбищах только пепел от сожженных тел, для трупов же отведены особые кладбища, вдали от жилых мест.

---

¹² последнее для дедов, например

ГЛАВА IV. ЯПОНСКИЙ ТЕАТР

В один из февральских дней 1891 года мы отправились в Нагасакский театр. В это время приехала сюда с севера одна известная туземная труппа, и в местных газетах появилось много хороших отзывов о ней. Мы пришли около двух часов по полудни и застали последние два действия какой-то раздирательной драмы. Не стану передавать ее содержания. Скажу только, что в последних актах, на которых мы присутствовали, одному герою вонзили нож в бок, и когда вытащили этот нож из раны, кровь с него лилась ручьем; другой герой распорол себе живот и долго возился в нем саблей; эта сцена, страдальческое лице умирающего, постепенно слабеющий голос, каким он просил своего друга отрубить ему голову для прекращения его страданий, – все это так походило на действительность, было до того реально, что надолго расстроило мне нервы: и теперь еще, при воспоминании об этой сцене, мне становится как-то не по себе. Затем шла другая драма. Она называлась именем знаменитого японского художника, резчика на дереве, Хидари Джингоро. Постараюсь передать вкратце содержание этой пьесы, состоявшей из нескольких действий и картин.

Великий художник отправляется с компанией молодежи покутить. Они приходят к дому одной известной красавицы. Товарищи уговаривают Хидари зайти сюда; но он – человек женатый, любит свою жену и отклоняет это предложение. Сцена происходит в прекрасном саду, окружающем дом красавицы. В то время, как между молодыми людьми идут переговоры, дверь дома открывается, и на балконе его появляется сама хозяйка. Художник, взглянув на нее, что называется обомлел. Красавица, перекинувшись несколькими словами с молодыми людьми, торжественно проходит по сцене и по проходу зрительной залы и отправляется затем на улицу. Художник не спускает с нее глаз. Выразительной мимикой и словами он передает свои ощущения. Он говорит, что его покой и тихое семейное счастье погибли теперь навсегда: отныне только эта женщина будет царить в его душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.